

ДИАНА
СТАВРОГИНА

ИСКЛЮЧАЯ
ЧУВСТВА

Диана Ставрогина
Исключая чувства

«Литнет»

2021

Ставрогина Д.

Исключая чувства / Д. Ставрогина — «Литнет», 2021

Лара никогда не влюбляется, Дима — разочарован в серьезных отношениях. Работая в одной юридической фирме, они не замечают друг друга, пока случайно не проводят вместе ночь. Страсть не угасает, и для двух успешных юристов встречи без обязательств становятся идеальным решением. Никаких чувств — только взаимно приятные свидания. Но что делать, если один из них вопреки договору полюбил?

© Ставрогина Д., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

если нет и в помине ветра,

— сердце, закружись...

Ф.Г. Лорка. Флюгер.

Глава 1

Мерцание гирлянд несочетаемых цветов (кто, ради бога, придумал в одной зале навешать красно-зеленые гирлянды вместе с синими и приправить это буйство красок серебряной мишурой?) било в глаза, успешно вызывая головную боль. Прежде приятные слуху рождественские песни сменились тусовочной попсой и ремиксами, и теперь от повсеместной безвкусицы очень хотелось застрелиться.

Люди вокруг становились все громче и пьянее, но Лара, принявшаяся от скуки наблюдать за коллегами, не сказала бы, что веселее. Снимать маски никто не спешил — корпоратив в юридической фирме не то мероприятие, где стоило бы искать искренность, хотя бы и вызванную алкоголем. Ни один уважающий себя юрист не покажет ни одной честной эмоции в кругу себе подобных. Даже в приступе новогодней ностальгии.

Для открытых улыбок и широких объятий существовали дом и семья, но, конечно, не у всех. К этим «не всем» Лара как раз и принадлежала. Дома у нее не было — было жилье, съемное, кое-как обставленное, пусть и в центре Москвы. Семьи не было никакой. Де-факто (если использовать профессиональную лексику), а де-юре нашлись бы мать и куча родственников. Толку-то.

Одним глотком Лара допила виски и поморщилась. Год у нее вышел так себе, вот и лезут мысли всякие, какие не надо. К двадцати восьми она успешно ко всему привыкла и со всем смирилась, и все же, как назло, иногда накатывало. Особенно в новогоднюю пору.

Что в детстве, что вот сейчас — вечно это неловкое чувство какой-то неполноценности, словно Лара упускает что-то важное, какую-то грань жизни, которая позволила бы назвать эту жизнь счастливой. Она свою таковой считать не могла. Нормальная — лучше характеристики не найти. Ни взлетов, ни падений. Не было ни великой печали, ни великой радости. Ровненько все. И то хорошо. И пресно. До отчаяния.

Жестом Лара попросила бармена снова наполнить бокал, пусть и стоило бы замедлиться в потреблении спиртного: приличия ради ей оставалось еще с часок посидеть во имя ежегодной повинности, а потом не возбранялось отправиться домой. Выспаться впервые с прошлого января — мягкая и воздушная, как любимое одеяло, сказочная мечта любого юриста в конце декабря.

В этом году Ларе даже повезло: она закончила основную массу дел вчера, и хотя после нынешних выходных в году оставалось еще два трудовых дня, срочных рабочих вопросов больше не было. Первые заседания ожидались во второй половине января: она в кои-то веки успеет подготовиться в спокойном режиме. Может быть, даже добавит в свой список чтения помимо законов и новых поправок к ним парочку художественных книг. Свободного времени будет полно. Лару никто не ждал, она никого не ждала тоже. А то, что новогоднюю ночь снова проведет одна — неуместная, не вписывающаяся в сам дух праздника, который по какой-то необъяснимой причине все же любила, — так пора привыкнуть.

Такие пустые рассуждения неизбежно тащили с собой прицеп в виде смутного, больше рефлекторного, чем осознанного, желания кого-нибудь найти. Чтобы не быть одной. Чтобы получить от праздника то же, что и все.

Пусть она никогда не влюбляется, но можно и без любви обойтись. Найти кого-нибудь, кто составил бы ей компанию. С кем можно было бы выплеснуть весь накопленный стресс с помощью секса. Нет у нее ни сил, ни времени на прогулки под луной, или как там сейчас люди

встречаются. Если б она только знала. Она взрослая женщина, которой явно не помешал бы хороший секс без дополнительных обязательств. Не более того.

Лара со смешком фыркнула, спрятав губы за стеклом бокала. Жалко, Лены не оказалось рядом: вдвоем они уже выглядели бы в толпе подходящего для подобных планов красавчика. Гипотетически, конечно. Но ее единственная и лучшая подруга на все праздники уехала с мужем в Сочи, и Лара была вынуждена торчать на корпоративе без веселой компании и думать о всяких глупостях вроде случайных связей.

Где в самом деле найти надежного, привлекательного и интересного мужчину, что сумел бы удержаться в отведенных ему границах, а не попытался бы перевести все в романтическую плоскость или, напротив, не записал бы Лару в свой многочисленный гарем, — вот был вопрос вопросов.

Лара не представляла, как люди намерено ищут себе партнеров для секса без обязательств. Подходят и спрашивают в лоб? Или есть какая-то специальная языковая и жестовая система между посетителями баров? Наемки там, взгляды? Тогда у нее изначально никаких шансов — только на провал.

Допив стакан, она, однако, решила осмотреть собравшихся — для развлечения, конечно же, а не в практических целях. Медленно она изучала толпу, пытаясь разглядеть лица, но большинство собралось у танцпола на приличном расстоянии для ее уставшего от десятичасового свидания с монитором зрения, так что вышло не очень продуктивно.

С легким азартом и опаской Лара скользнула взглядом к ближайшим столам и замерла. На нее уже кто-то смотрел. Задумчиво-заинтересованно и, казалось, с каким-то внутренним огнем, потому что Лару вдруг будто обожгло.

Привычнее, безопаснее было бы в то же мгновение отвести взгляд в сторону, словно она ничего не заметила, но не получалось. Неспособная полностью понять, в чьи глаза смотрит, она все же не отводила взгляд. Мужчина, пока еще практически безликий, поднялся со стула, разрушая сковавшие Лару путы, но только на пару секунд, пока она не поняла, что идет он непосредственно к ней.

* * *

Скучно, скучно, скучно. Хотелось пропеть в слух, обратить внимание стоящих с постными лицами дам и господ. Что ж вы все такие-никакие? Бойтесь не так встать, сесть, шевельнуться? В рабочие время и то энергии было больше в этих манекенах для деловой одежды.

Дима хмыкнул. Да, про манекены он неплохо придумал, надо бы запомнить. Потом расскажет Лехе, успевшему уже ускакать с какой-то новой дамочкой непонятно куда, но понятно зачем. Да уж, вот кому с женщинами везло не по-детски, и ничего Леха для этого не делал — и пойми, как такое возможно: самый обычный парень, не обремененный мечтой о серьезных отношениях, но всегда в цветнике.

У Димы проблема была противоположной: он серьезных отношений искал и даже находил, но каждый раз все шло к черту. И не по его вине. Он влюблялся, пылинки сдувал, цветы носил, жить вместе предлагал, домашние обязанности разделял — в общем, старался соответствовать образу мужчины-мечты, но ни Катя, ни Вика, как выяснилось, им не сильно дорожили.

С первой он встречался с одиннадцатого класса до выпуска из института, а со второй жил последние три года до позавчерашнего вечера, когда она вдруг решила, что им пора расстаться. Ладно, Катю он понимал: они друг у друга были первые, она ошиблась, разлюбила, захотела пожить свободно — бывает. Но Вика...

Вика сумела его удивить. Он, мать вашу, чересчур положительный оказался. Мол, ни ссор, ни конфликтов, всегда готов найти компромисс — неинтересно ей. Любовь прошла, завяли помидоры, и все такое. Решила с нового года начать новую жизнь. Ну и пусть катится. С горы. Если ей так адреналина в жизни не хватало. А Дима... Дима возьмет пример с Лехи.

Сколько можно, в самом деле. К черту отношения. Отдохнет, поживет для себя, а там, кто знает, может и встретит подходящую женщину. Отец же как-то сумел. Вспомнив, какая из его родителей получилась парочка, Дима ухмыльнулся. Да-а, уж если отец смог захомутать такую женщину, как мама, то и Дима как-нибудь справится. А пока поживет по заветам Лехи. Можно сегодня и начать. Все равно делать ему тут больше нечего. С кем надо было, он уже все обсудил, дела утряс. В понедельник покажет клиенту «рыбу» договора и будет полноценно отдыхать.

Прикончив стакан с виски (надо сказать, далеко не лучшим, батя его оплевался бы), Дима принялся сканировать толпу, но быстро вспомнил Лехины «советы». Продуктивнее было начинать с барной стойки. Одинокие дамочки, особенно заинтересованные в близком знакомстве, обычно обитали там.

Высокие деревянные стулья были заняты мужчинами разной степени опьянения, и Дима успел разочароваться, пока не увидел в дальнем, темном и не самом заметном углу девушку в красно-черном платье. Пожалуй, без него он бы ее пропустил: так хитро она слилась с обстановкой. Дима пригляделся. Длинные темные пышные волосы пока скрывали лицо, но тем интереснее стало ожидание.

Такая девушка не могла быть некрасивой или неуверенной в себе. Платье, пусть он не мог рассмотреть его в подробностях, все же вполне выделялось на фоне остальных скучных или чересчур откровенных нарядов: каким-то всегда очевидным для дорогих вещей качеством пошива, соблазнительной смелостью кроя, но без пошлости, так что Дима успел с удовольствием изучить каждый доступный его взгляду изгиб тела, умело обрисованный красным платьем до колен.

Увлеченным взглядом он спустился ниже: нога на ногу, туфли на высокой шпильке с ремешком на щиколотке — спасибо, милая, все как я люблю, подумал он. Не то что бы Дима мог или хотел объяснить свою одержимость этой моделью женских туфель, но пройти мимо теперь было нельзя. Девушка всем напоминала ожившую мечту, грех был не познакомиться, но он, пожалуй, еще чуточку посмотрит. Ради удовольствия, естественно, а не потому, что немного боится познакомиться со столь роскошной женщиной.

Он не сомневался, что такая и отшить может так, что комплекс неполноценности на всю жизнь останется. Леха однажды на его глазах пытался к такой подкатить — до сих пор самолюбие лечит. Дима, однако, вызовы любил. Главное — увидеть бы уже ее лицо, понять, в каком она настроении, выработать стратегию, и все получится. Уж он кого угодно заболтает, если захочет.

Прекрасная незнакомка, как будто нарочно, наконец повернулась в его сторону, поднесла к губам бокал и выпила одним глотком. Дима даже моргнул. Нехило. В уголке она работает, что ли? Только там дела такие, чтоб так пить. Девушка тем временем заправила волосы за ухо и уже всем корпусом развернулась в его сторону и, слегка прищурившись, стала разглядывать народ вокруг.

Дима, воспользовавшись ситуацией, исследовал ее лицо. Красивая, как он и думал. Не придаться. Брови изящные, глаза распахнутые (жаль, цвет не видно), прямой нос, губы... губы были соблазнительные. Пухлые, алые благодаря помаде, изогнутые в легкой ухмылке. Неужто по отношению к сегодняшнему сборищу она с ним солидарна? Взгляд Дима так и не отводил, с интересом и удовольствием продолжая наблюдать. Она обернулась к бармену, получила новую порцию виски, сделала глоток, опять стала разглядывать толпу и внезапно чуть рассмеялась про себя. Дима замер, завороченный тем, как она в один миг переменялась: просияла теплым светом, став еще привлекательнее, чем была.

А потом она подняла глаза и посмотрела прямо на него. Диму обожгло. Потянуло к ней, как на веревочке, — и он пошел, не отводя взгляда.

Глава 2

Пока незнакомец размеренным шагом приближался к ней, Лара, успокоившись, перестала изображать из себя захваченного врасплох зверька и быстро изучила объект.

Красивый. В ее вкусе на все сто процентов, что редкость, потому что стандарты у Лары были выше некуда — по отношению и к себе, и к окружающим. Очень немногим мужчинам удавалось дотянуться до этих самых стандартов хотя бы кончиками пальцев, а тут словно на заказ делали. У Лары от восторга, смешанного с большим количеством алкоголя, запыхали щеки и, может быть, совсем немного во всем теле появилось приятное томление, усилившееся, стоило ей разглядеть его лицо.

Наверное, в отдельности ни одна его черта не считалась бы идеальной, но что-то в нем было такое... мужественное, привлекательно-завораживающее. Он весь такой был. Как будто в самом деле срисованный из иногда посещавших ее фантазий: высокий, широкоплечий блондин в темно-синем, ладно сидящем костюме. Шевелюра густая, мастерски подстриженная — сразу захотелось запустить в нее руки, прямо как во всех этих романтических сценах из сериалов. Парень был явно ухоженный, но не лохотный до мерзкой самовлюбленности, спасибо, Вселенная, за подарок. Будет умный — Лара с ним точно переспит.

Незнакомец наконец оказался рядом и встал у соседнего стула, успев одарить ее очаровывающей улыбкой. Ларе теперь и интересоваться, в какой отрасли он практикует, не было нужды — до того от него вдруг понесло этикой делового общения, переговорами и офисным успехом.

— Корпоративное право, я права? — спросила она, прежде чем он успел произнести хотя бы слово, и тут же пожалела. Не умела она флиртовать. И алкоголь ее навыков ничуть не улучшил.

— Ого. — В голосе, таком мягком и обволакивающем, что у Лары побежали мурашки, слышалось удивление. — Не бровь, а в глаз, прекрасная незнакомка. Дмитрий Аверинцев, юрист по международному праву, к вашим услугам, — он подал ей руку, вероятно собираясь поцеловать протянутую в ответ ладонь, но Лара, из странного, из ниоткуда взявшегося желания его позлить, превратила очередную попытку флирта в крепкое рукопожатие. Ей внезапно до раздражения не понравилось, что он ей нравится. Слишком нравится, когда еще ничего не сделал, чтобы настолько ее впечатлить.

Дмитрий остался непоколебим и продолжил знакомство, хотя явно уловил ее настрой и принялся паясничать:

— Будьте же вежливой, признайтесь, как вас зовут, о, прекрасная!

— Лара Белых, — отчеканила она ровным тоном в лучших традициях своей практики в СК много лет назад. — Юрист по...

Он ее перебил.

— Стойте. Я тоже вас разгадаю. Уголовное право, я прав?

Лара усмехнулась. Ну просто «Битва экстрасенсов», а не новогодний корпоратив.

— Угадали.

— Видим друг друга насквозь. Я впечатлен.

— Я впечатлена не меньше вашего.

— Имя у вас красивое.

— Да бросьте, — Лара с раздражением поморщилась. — Давайте без этих стандартных фраз при знакомстве. Вечно одно и то же.

— Но правда же красивое. Не Катя или Вика там какие-нибудь.

— Чем вам не угодили эти несчастные?

— Долгая история и банальная, вам точно не понравится.

— Ладно.

— И все-таки, раз уж мы так лихо начали наше знакомство, я обязан угадать, в честь кого вас нарекли столь необычным именем. Ваши родители любят «Доктора Живаго»?

— Вы бы знали, как часто я это слышу. И нет, не угадали.

Дмитрий нахмурился и, продолжая дурачиться, прикинулся расстроенным.

— Как жаль! Но я все же должен отгадать, раз уж взялся.

— Дерзайте.

— Благодарю. Ставлю на кон все: в честь Лары Фабиан?

— Вы и про нее знаете? Какой вы просвещенный.

— Мама ее любит, а я хороший сын и послушно хожу с ней на концерты.

— Похвально, но снова не угадали. Сдавайтесь. Все намного проще: так звали мамину бабушку.

— На третий раз я бы угадал.

— О, не сомневаюсь, — Лара улыбнулась, уже не пытаясь сопротивляться его балагурству.

— Я бы предложил угостить вас виски в честь знакомства, но бар полностью оплачен. Это даже как-то неловко: лишает удобного инструмента знакомства. — Он растерянно провел рукой по волосам, а Лара снова засмотрелась: на ямочки на щеках при легкой улыбке, на обтянутый тканью рукав бицепс — и ответила не сразу.

— Не переживайте. Я бы все равно не позволила кому-то покупать себе напитки. Равноправие, защита от подсыпанных в бокал наркотиков и все такое. — Вот, подумала она, сейчас он и сбежит, испугается сильной женщины и растворится в толпе. Самый быстрый тест на совместимость ее личного изобретения.

В диссонанс с разыгравшейся в ее голове сценой Дмитрий придвинулся на шаг и склонился ближе, обдавая ее непонятым взглядом — то ли восхищенным, то ли удивленным.

— Должен признаться, я приятно впечатлен вашей прямолинейностью и предусмотрительностью, хотя это стоило предполагать. — Лара непонимающе нахмурилась. — С вашей практикой, вот что я имел в виду, вряд ли можно жить по-другому. У меня отец — адвокат по уголовным делам. Я человека более, чем он, готового к любой жизненной ситуации, еще не встречал.

— Хотите сказать, я параноик?

— Боже упаси, напротив — очень трезво смотрите на жизнь. Если бы все такие были, у нас с вами не осталось бы работы. Ваша прямолинейность мне тоже нравится.

— Мне кажется, вы несколько переборщили с комплиментами на квадратный метр.

— Виноват. Исправлюсь, — он снова послал ей улыбку, очевидно уверенный, что так можно сгладить любое недовольство. Приходилось признать, что уверенность не была беспочвенной. — Потанцуем?

Лара рассмеялась, стараясь скрыть любой намек на неуверенность. Ей до пор было неловко признаваться, что она в чем-то не слишком хороша.

— Я не танцую.

— Или не хотите?

— Скорее не могу, то есть не умею. Оттопчу вам все. — Она приподняла одну ногу, с намеком демонстрируя острые шпильки и не замечая жадного мужского взгляда, проследившего сначала за собравшейся на середине бедра юбкой.

— Бросьте, — с хрипотцой в голосе Дмитрий принялся ее убеждать, — уметь необязательно. Я тоже не танцор, но боевых ранений не боюсь. Пойдемте?

— Ладно, но я вас предупредила.

— Понял, принял к сведению, всю ответственность за танец беру на себя.

* * *

Диме хотелось самому себя избить. Что он сейчас нес за хрень? Кто так знакомится? Когда Лара продолжила его неловкую попытку подката, он даже удивился.

Вот зачем он ей вывалил и про «Доктора Живаго», и про Фабиан? Еще примет его за ботаника-задрота, а он всего-навсего не совсем дурак, а то мама с батей огорчились бы, узнав, что платили за лучшую частную школу в Москве зря.

Однако и Лара эта тоже была хороша. Он еще рта не открыл, а она уже бросилась в атаку и была довольна резка для флиртующей девицы. Проверяла? Отсеивала недостойных? Или у нее стратегия такая, чтобы привлечь больше внимания — типа, вся такая независимая? Дима отбросил последнюю мысль сразу же. Очень вряд ли. Она и в самом деле независимая и с мозгами. Сразу понятно, что далеко не дура. Тем интереснее. Дима с такими женщинами дел за пределами юридического отдела еще не имел.

На танцпол он повел ее с легким нетерпением и любопытством. Плевать он хотел на ее якобы слабые хореографические навыки. Особенно после соблазнительно ей проделанной демонстрацией ног в сводящих его с ума туфлях. Дима все гадал, поняла ли она сама, что за мини-шоу успела устроить?

Она как будто и не заметила, выслушала его аргументы, поднялась и сразу направилась к танцполу, не попытавшись ни прикоснуться, ни лишний раз пофлиртовать. Дима в легком недоумении последовал за ней, довольствуясь видом: походка у нее была, несмотря на очевидно не один выпитый сегодняшним вечером бокал, уверенная и отменно-модельная, полностью соответствующая выбранной обуви (по крайней мере в представлении Димы роскошные женщины двигались именно так).

Несмотря на красоту и редкую для людей объективность, заметную и при столь коротком разговоре — оба качества Диму очень впечатлили, — Лара, однако, вводила его в легкий ступор своим поведением. Обычно девушки, особенно заинтересованные, действовали понятнее. С Ларой же он пока уверенным себя ни минуты не чувствовал. Он никак не мог разобраться, что у нее за странный настрой: раздражение в пару с желанием продолжать?

Впрочем, появившийся благодаря встрече с такой магнетически привлекательной женщиной, как Лара, азарт лишь крепчал, подпитываемый воспоминаниями об упреках Вики. Скучный он, видите ли. Ну-ну. Не будет Дима больше скучным и чересчур правильным, и сегодня же он сам себе докажет, что сможет увлечь любую, даже сильную, независимую и роскошную.

Преисполнившись нужного запала, Дима на несколько шагов обогнал уверенно идущую немного впереди Лару и развернулся, подавая руку:

— Мои ноги к вашим услугам, можете наступать, сколько пожелаете.

— Только потому что вы разрешили, — Лара улыбнулась с вызовом, остановилась и подняла на него сосредоточенный взгляд, прежде чем, наконец, вложила в его ладонь свою.

Ладони у нее были теплые, кожа мягкой, кончиками пальцев Дима чувствовал бьющийся у ее запястья пульс; медленно он потянул ее на себя и поймал взлетевший к нему настороженный взор. Лара сделала еще один шаг вперед, и их тела почти соприкоснулись, до того она оказалась близко. Приобняв ее, Дима начал движение. С чуть заметным промедлением Лара последовала за ним. Иногда она путалась в шагах, напрягаясь сильнее с каждой незначительной промашкой; играла музыка с трудным ритмом, что Лару сбивало.

— Ш-ш, не бойтесь ошибиться, — склонившись ниже, он шептал на ухо, направляя и подсказывая, — расслабьтесь, веду я, хорошо?

— Ладно, — ответила она, едва не фыркая от недовольства, но Диму это позабавило. Девочка-то не любит чего-то не уметь.

Скоро все пошло на лад. Не такая уж безнадежная у него была ученица, в самом деле. Музыка зазвучала спокойнее и лиричнее. Судя по всему Ларе изменения пришлись по душе.

Поймав нужный темп, они танцевали в полном молчании, без всякой неловкости и лишних движений, как будто за столь короткий срок между ними успело незаметной связующей ниткой протянуться бессловесное взаимопонимание. По опыту Дима знал, что подобное впечатление от общения, если и возникает, то сразу. Неважно, как много вы с человеком успели друг о друге узнать. Совсем неважно. Либо да, либо нет.

В зародившемся впервые за вечер душевном спокойствии мозг стал подмечать еще не осознанное, и Дима обратился в сверхчувствительный радар, настроенный на одну частоту — девушку в его руках. Маленькие изящные ладошки на его теле: одна прожигала ему кожу на плече, и только хотелось, чтобы она поднялась чуть выше — туда, где заканчивался ворот рубашки, и скользнула по коже шеи; другая — крепко сжимала его руку, едва дрожа, и Диме это нравилось. Нравилось понимать, что в сильной девушке Ларе есть уязвимость, как бы она ее ни прятала.

Приятный, чуть доносящийся до него запах ее волос (или духов? Он хотел наклониться еще ближе и узнать наверняка) действовал слегка одурманивающе, словно мало было его затуманенной голове выпитого виски, подогревая зарождающиеся фантазии. Дима не отказал себе в удовольствии погадать, какой женщина, обнимающая его сейчас, окажется в постели. То, что она там окажется, почему-то не вызывало сомнений. Уверенность была такого же необъяснимого свойства, как и появившееся с первых мгновений танца ощущение полного взаимопонимания с Ларой на мысленном уровне.

Возможно, все это была лишь фантасмагория запутавшихся чувств, эмоций, сбитых с толку плохим виски, точно ударяющих по сердцу фразами его бывшей девушки Вики, для которой Дима оказался слишком пресным и которой ему хотелось что-то доказать. Возможно, вызванный настроением праздничного сборища и случайной встречей с великолепной, чарующей женщиной обман восприятия, что исчезнет с наступлением утра, но Дима не хотел выяснять.

Была Лара, наконец осмелившаяся поднять голову и посмотреть ему в глаза. Был ее легкий выдох. Аромат духов. Жар тела. Учатившейся пульс. Ненадолго забытое, пламя, вспыхнувшее между ними в миг, когда еще не было сказано ни слова, а были только их глаза, встретившиеся через всю залу, обожгло Диму вновь. Ни он, ни она не отводили взгляда. Не слышали музыки. Дима не был уверен, танцуют ли они или стоят на месте. Мозг, перегруженный нахлынувшими ощущениями, о положении тела в пространстве больше не беспокоился. А Диму затягивало в бездну удивленно распахнутых женских глаз. Расширенный черный зрачок, а радужка — зеленая.

Ведьмовские глаза.

Глава 3

Несомненно, Лара сама себе не верила, пока, поцеживая виски из бокала, без единого сомнения планировала секс на одну ночь с этим внезапно явившимся по ее душу Дмитрием. Кураж отчаяния напололам с одиночеством, случалось, провоцировал ее психику на странные и глупые идеи, но не поступки. Разум всегда побеждал, и Лара собой гордилась, пусть временами едва ли не вперемишку с ненавистью.

Будь у нее, подобно многим, «ум с сердцем не в ладу», стала бы ее жизнь насыщеннее, полнее, эмоциональнее? Теплее? Была бы она не такой выхолощенной, вычищенной от любой возможности сглупить по вине сердца?

Ошибки чувств, случавшиеся у других людей, делали их жизнь — жизнью: полной, яркой, всесторонней, — но Лара к таким ошибкам была не склонна. Сорвавшись однажды с огромной высоты, теперь она предпочитала страховочный трос радости свободного падения, исход которого, по законам человеческого бытия, был всегда непредсказуем.

Теперь же Лара, подобно адреналиновым наркоманам, искала шанса выкинуть какой-нибудь трюк. Однообразие ей приелось, и вот она — в ситуации, в какой не бывала со времен школьного выпускного, — танцует (а точнее: пытается) и обдумывает план соблазнения с привычно холодной головой. На ее памяти не было ничего более опустошающего, чем свободные от волнения голова и сердце там, где должен бешено, до мушек перед глазами, стучать пульс. Лара мыслила трезво, как и всегда, наперед просчитывая возможные варианты развития событий, оценивая риски и последствия.

Небольшое лукавство в ее мыслях, однако, присутствовало. Она нехотя, но честно призналась себе, что сейчас обстоятельства иные и ситуация несколько сложнее. Мужчина, чьи ноги она до сих пор каким-то чудом не оттоптала (спасибо его крепким, направляющим рукам и быстрой реакции), оказался намного увлекательнее других представителей мужского пола, с которыми ей прежде доводилось состоять в знакомстве.

Дмитрий был привлекателен до тянущего беспокойства чуть ниже живота (и не стоило себе врать, что у нее не дрожали ноги, пока она шла на танцпол с раздражающе-идиотскими мыслями о том, какую картинку идущий позади мужчина сейчас наблюдает; она могла только надеяться, что ее походка не пострадала от высокого уровня алкоголя в крови) и точно не глуп. Он был уверен и настойчив. Он ей понравился. Он был подходящим вариантом. И Лара не хотела упустить шанс. Оставалось набраться смелости и рискнуть.

Во время их танца, когда она в очередной раз сбивалась с ритма или ошибалась в шагах, Дмитрий шепотом говорил ей что-то успокаивающее и направляющее, но она терялась с каждым скользнувшим по коже ее уха вздохом, с медленным, но целенаправленным и неизбежным сближением их тел, с передающимся от него к ней жаром. Большим пальцем он вновь и вновь оглаживал ее запястье, и Лара путалась в подскочившем вдруг биении сердца и несовпадением с ситуацией разлившимся внезапно в душе умиротворением.

Она вдыхала и вдыхала его парфюм — пряный, глубокий, но ненавязчивый аромат, — и он ей нравился. Она чувствовала, как под ее левой ладонью, лежавшей на его плече, ближе к основанию шеи, часто-часто пульсирует кровь, — и ей хотелось скользнуть выше, пальцами пройти по затылку, зарыться в светлых волосах и чуть оттянуть за них голову назад, обнажая для взгляда выступ адамова яблока.

Ей многого хотелось, и Лара была поражена, осознав, каким физически привлекательным ей казался этот почти незнакомец. Что-то нереальное, невозможное окутывало ее разум пеленой, но она лишь упивалась буйством красок и жизни, захватившим ее мир. Такое безумие, безусловно, долго не продлится. Лара собиралась выжать из него все.

Еще не зная своих намерений полностью, она подняла голову и посмотрела Дмитрию прямо в глаза. Внутри что-то вспыхнуло, заискрилось и кануло вместе с ней в глубину. У Дмитрия был ошалевший, околдованный вид.

Зрачки черные, почти закрывшие бледно-голубую радужку, двигались, изучая Ларино лицо в поисках ответов на вопросы, что на его лице видела она — в чуть раскрытых пересохших губах, покрасневшем лице, омуте горящих глаз.

Опасаясь спугнуть то, что между ними происходило, Лара смогла только спросить:

— Давай уйдем?

— Все что пожелаешь. — Хрипло, на выдохе.

* * *

Ситуация стала вдруг очень простой и понятной. Настолько, что Дима больше не утруждал себя сложными умозаключениями. Самое время для ПКС — простой категорический силлогизм; азы логики высказываний, первый курс юрфака.

Первая посылка: сейчас, в этот конкретный момент, он хочет Лару до помутнения рассудка. Вторая: только что Лара предложила им вместе уйти. Простейший вывод: Лара хочет того же, что и он.

Плывать на остальное. Плывать, что он еще ни с одной девушкой не уходил к себе домой после одного танца. Плывать, что им с Ларой еще вместе работать. К черту все.

Дома вроде бы прибрано. Вика (не вспоминать, не вспоминать, пусть катится куда подальше) удивительно оперативно, словно давным-давно начала понемногу собирать вещи, съехала, забрав все, до последней резинки для волос. Тем лучше. Такси домчит их с Ларой до его жилого комплекса минут за десять — и это важно: никто не успеет передумать.

Разумного объяснения, почему ему настолько необходимо сохранить охватившую их обоих лихорадку, Дима не находил. Ничего близкого по масштабу с катастрофой не случилось бы, пожелай Лара закончить знакомство на пороге ресторана. И тем не менее в голове у Димы ясной строчкой по кругу черепной коробки бежала одна мысль: такого никогда больше не будет. Эксклюзивное жизненное происшествие. Только сегодня. Только в ближайший час.

В необдуманной поспешности Дима уже собирался гордо прошествовать со своей прекрасной дамой к выходу на виду у всех сотрудников фирмы, но Лара остановила его предложением уйти из зала с перерывом в пару минут и встретиться у гардероба.

Она, очевидно, ничуть не растеряла своей предусмотрительности и помнила, что пусть фирма и большая, с огромным числом юристов самых разных профилей, офис у всех был один — и по закону подлости, не записанном ни в одном кодификаторе современного права, нашелся бы кто-нибудь слишком глазастый и любящий пускать слухи.

Про людей, что были вокруг, Дима, увлеченный совершенно другими мыслями, сам просто бы не вспомнил, но суть невысказанных, но подразумевавшихся Ларой опасений осознал сразу, несмотря на то, как сильно шумело в ушах и пересохло в горле. Он едва удержался от поцелуя — так близко они с Ларой склонились друг к другу на последних фразах удивительно рассудительного для их состояния разговора, но она быстро отстранилась, словно во избежание, и заспешила к выходу из зала. Проводив Лару взглядом, Дима нашел в кармане телефон. Вызовет такси и пойдет следом.

Легкое, но неприятное опасение, что у гардероба он не встретит никого, кроме персонала ресторана, схлынуло, стоило Диме повернуть за угол и заметить стоявшую к нему спиной девушку в темно-бордовом пальто с рассыпавшимися каскадом по плечам длинными темными волосами.

Ему опять захотелось прикоснуться к ним, отвести густые пряди за одно плечо и оставить поцелуй на изгибе шеи, а затем, не отрывая губ от нежной кожи, продолжить спуск —

ниже, и ниже, и ниже, пока... Дима остановил разыгравшиеся фантазии и потряс головой. Рано прощаться с рассудком.

Услышав его шаги, Лара обернулась. Неподвижно и безмолвно ждала и смотрела прямо на него дикими глазами почти булгаковской Маргариты — такое же бесстрашие перед безумием ночи. Кто-то безликий услужливо подал Диме пальто. Одеваясь на ходу, он пошел к Ларе. Кто-то другой, тоже не имевший плотности и цвета, но кого принято называть метрдотелем, распахнул перед ними дверь.

Легкий, типично московский мороз быстротечно ударил Диме в лицо и пугливо растекся приятной прохладой. В двадцати шагах, на парковке ожидали черный блестящий мерседес с водителем в солидном костюме. Лара снова (Дима уже стал привыкать) смело и быстро шла чуть впереди в своих умопомрачительных туфлях. Дима отдаленно, краем сознания, подумал про гололед. В эту зиму Москву как для столицы не очень старательно очищали от снега и льда, а Лара на таких шпильках. Сама по себе.

Ускорив шаг, Дима очень кстати оказался рядом, когда Лара столь предсказуемо поскользнулась на замерзшей лужице талой воды. Он ее конечно поймал. Образцово-джентельменски развернул к себе лицом, удостовериться, что полюбившиеся ему ножки и туфли в полном порядке.

— Спасибо, — ответила она ему, — все хорошо.

Дима кивнул.

До такси было рукой подать, но выпустить Лару из объятий показалось невозможным. Ее руки покоились у него на груди. Легким шлейфом оседал аромат духов. Размеренно она выдыхала в его сторону облачка теплого, влажного воздуха, в которых улавливались алкогольные пары. Молча Дима смотрел на алые, чуть раскрытые губы, и медленно, с благоговением, какое бывает только у мужчины, готовящегося впервые познать стоящую перед ним женщину, наклонил голову. Благодаря каблукам, Лара была практически одного с ним роста. Расстояние между ними исчезло, как только она, откинувшись назад, первая прижалась к его губам.

Ничего целомудренного в случившемся поцелуе не было ни секунды. Но и ничего грубого, пошлого или разочаровывающего — не было тоже. С первым прикосновением — вспышкой — чувство полного совпадения, а потом — забытье.

Рассказать об этом поцелуе в деталях Дима не смог бы. Они с какой-то жадностью сбились, словно пытались отобрать друг у друга инициативу, и повышали откровенность поцелуя, совершенно забыв про мерзнувшего без пальто водителя такси. Мешались теплая, тяжелая одежда и скользкая брусчатка под ногами. Хотелось ближе, крепче, сильнее. Было жарко и прохладно одновременно, у Димы саднило нижнюю губу, которую Лара успела слегка прикусить, прежде чем провести по ней кончиком языка — раз... два... пока Дима в ответ не скользнул языком по ее верхней, заставляя захлебнуться вздохом.

Ее руки будоражащей прохладой скользнули по его шее, ногтями она слегка царапала его затылок, притягивая Диму к себе. Сознание начинало путаться. Никто из них уже не думал о том, что их могут увидеть, что откровенность их поцелуя давно перешла все границы приличия, достигнув бесстыдства, не подходящего для уличного действия.

Равномерный шум быстро проезжающих машин разнесло резким гудком клаксона. Дима и Лара, подскочив на месте, прекратили поцелуй. Совершенно ошарашенные, потерявшиеся, с пылающими лицами и озябшими конечностями.

Сумасшествие.

Глава 4

До чего же, думалось Ларе, происходящее похоже на сон... или морок — неизвестно, чем затеянная ею авантюра обернется в финале. После впечатляюще страстного поцелуя (даже в уединении собственного сознания она отказывалась признать, что на мгновение утратила контроль, как никогда в жизни) они сели в машину в молчании, в какой-то погруженности в себя, по крайней мере так чувствовала Лара.

Ей точно было что осмыслить, но не выходило. Тело потрясывало мелкой внутренней дрожью, отключающей мыслительный процесс. Физическая расслабленность в сопровождении неуютной неизвестности грядущего была не лучшим состоянием, Лара предпочла бы ясный рассудок и напряженность в мышцах, но увы... Алкоголь, декабрьский мороз и... и этот чертов поцелуй отключили ей мозги. Не полностью, конечно. На такое Ларе и надеяться было нельзя, пусть иногда и очень хотелось.

С неискоренимой предусмотрительностью она, как и всегда, внимательно следила за дорогой, подмечая на случай непредвиденных обстоятельств знакомые вывески и станции метро. Украдкой проверила заряд аккумулятора телефона, прокрутила в голове последние пару часов и еще раз в мысленном разговоре с собой удостоверилась, что действительно не против совместной ночи с Дмитрием, — и все же эти рассуждения проходили где-то в очень отдаленном и ленивом уголке ее сознания. Автомобильная полоса растеклась перед глазами, время теряло ориентиры, пространство стало мягким, вязким и тягучим, а тело оставила привычная тяжесть усталости.

Сон или морок?..

Неважно.

Лара потрясла головой. Скорее бы доехать. Пока разум не прояснился, пока поцелуй еще помнится опьяняющим прикосновением, пока кожа под одеждой горит и желание близости с мужчиной слева от нее, что тоже сейчас смотрит в окно направляющейся к его дому машины, острее и ярче всех ее прежних желаний.

Было немного любопытно узнать, о чем думал вовремя их поездки Дмитрий, но Лара тут же запретила себе погружаться в лишние размышления. Не стоит. Главное понятно: он ее хочет. Между ними случилась та самая химия, о которой всем мечтается. Не такая уж и редкость. Только длится она недолго. Лара никаких сомнений на этот счет не имела. Одна ночь — и дурман развеется.

Такси свернуло во двор элитной московской многоэтажки. Дмитрий ровным голосом принялся объяснять водителю проезд к финальной точке их маршрута. У первого подъезда машина плавно остановилась. У Лары мгновенно подскочил пульс; сердце билось как будто невпопад.

Первым вышел водитель, все так же, в одном костюме без пальто, открыл дверь перед Дмитрием, затем перед Ларой, которая едва удержалась, чтобы не выйти из машины без чужой помощи — передавать кому-то контроль даже в таких мелочах ей не нравилось.

Дмитрий тут же подал ей руку. Перчаток ни он, ни она не надели, и ладони соприкоснулись кожа к коже; у Лары перехватило дыхание. Такси уехало, прошуршав шинами по свободному от снега асфальту; с шумом и смехом в подъезд забежала парочка веселых подростков, и Дмитрий легко потянул Лару за собой.

— Пойдем? — слышав в его голосе неуверенность, она спешно кивнула, нелепо испугавшись, как бы он не засомневался теперь в ее желании продолжить начатое. Еще оставался шанс отыграть назад, вежливо отказаться и поехать домой, но хотелось, чтобы все пути к отступлению скорее исчезли.

— Веди, — ответила она сипло.

Не отпуская ее руки, Дмитрий кивнул и молча пошел вперед. Несколько раз он оборачивался, бросая в ее сторону напряженный взгляд, словно проверял, не сомневается ли она.

Автоматически открылась дверь подъезда, и Лара, несмотря на свое полубезумное состояние успела удивиться: прежде ей не доводилось заходить в такие современные дома; вежливо (брошенный в ее сторону удивленный взгляд не в счет) поздоровался охранник, бесшумно разъехались створки лифта, быстро поднявшего их на двадцать второй этаж.

Лара продолжала, как во сне, фиксировать в голове детали их пути — по привычке, как делала всегда в незнакомых местах, но голова казалась до того туманной, что особой надежды действительно что-то запомнить иметь не стоило. У двери квартиры, когда Дмитрий выпустил ее ладонь из своей и принялся искать ключи, Лару начало слегка потряхивать. Вопросы, которые так удачно не приходили ей на ум всю дорогу, налетели роем сейчас.

Как все произойдет? Нужно ли сказать что-нибудь специальное? Сначала душ? А он пойдет в душ? Или лучше избегать пауз и по возможности форсировать события?

Возможно, она уже была близка к побегу, которого так не хотела, но Дмитрий открыл дверь, приглашая войти. С первым Лариным шагом через порог в коридоре вспыхнул неяркий свет. Едва она взялась за полы пальто, Дмитрий вновь заговорил:

— Думаю, кофе тебе предлагать бессмысленно?

— Почему же? — обернувшись к нему, с вызовом, почти бравадой, спросила Лара. — Я люблю кофе. — Под его прищуром, ясно излагающим, что он думает о ее намерении разыграть недолгую словесную перепалку на пороге, она сдалась: — Соглашусь, пожалуй, что для кофе уже поздно.

— Вот и славно, — он медленно склонился к ней, шепотом проговаривая уже в губы: — Выпьешь утром.

Лара успела усмехнуться, зная, что ни за что не останется ночевать. Потом он ее поцеловал. Бесцеремонно, глубоко и влажно, в разы откровеннее, чем на парковке. С силой прижимая к себе, руками пробираясь под ее пальто, оглаживая спину, пересчитывая изгибы ребер легкими касаниями, вышибая из ее головы мысли. Предлагая сорваться с обрыва в омут не глядя, и Лара не возражала.

На судорожном выдохе потянулась к его волосам, наконец воплощая одну из своих фантазий. Провела кончиками ногтей по затылку и по шее, царапая, заставляя с шипением откинуть голову немного назад. Пока Дима (называть его дальше полным именем вдруг стало неудобно) пытался и выпутаться из собственного пальто, и раздеть ее, Лара спускалась поцелуями от уголка его губ по чуть шероховатой от вечерней щетины щеке к шее, лаская языком чувствительную кожу и внимательно следя за каждой реакцией. Ей хотелось возбудить его до предела, хотелось, чтобы он потерял от нее голову, чтобы дрожал и торопился, и шептал всякий бред. Ее пальто в конце концов оказалось на полу, и Лара снова обрела возможность расправляться собственными руками.

Со спешкой она дрожащими пальцами расстегивала пуговицы на воротнике рубашки, желая добраться до обнаженной кожи. Столь мешающий им сейчас пиджак Дима снял сам, отстранившись, одним движением стянул через голову наполовину расстегнутую рубашку. Лара смотрела, жадно вдыхая воздух, чувствуя, как дрожит в предвкушении прикосновения к очерченным в полутьме коридора мышцам груди и пресса с редкой порослью волос, дорожкой ведущей к поясу брюк.

Дима поймал ее взгляд, улыбнулся чуть ли не плотоядно, а затем опустил вниз и встал на колени. Лара застыла, не понимая, чего ждать. Секунду спустя горячие мужские ладони быстро заскользили по женским ногам в тонких черных колготках. Прежде чем Лара успела пожалеть об отвергнутых ею ранее днем чулках, что прибавили бы огня, ее правая нога оказалась у Димы на бедре. Не спеша, он наклонил голову и прижался губами к местечку у сгиба колена, а после чуть прикусил.

У Лары резко поплыло перед глазами, но поцелуи не прекратились. Рвано вздрагивая от напора ласк, она едва могла стоять. Неосознанно цеплялась то за ручку двери, то за нечто, скорее всего бывшее какой-то полкой или вешалкой. Влажные следы на коже холодил воздух, вызывая дрожь. Лару подергивало от возбуждения, руки сами тянулись к груди, ноющей под тканью платья и кружевом бюстгалтера.

У нее давно намокло белье, и хотелось, чтобы Дима, этот чертов любитель женских ног (иначе откуда такое внимание?), взялся за нее всерьез. Она с намеком попыталась свести бедра. Дмитрий подсказке внял. Поймав ее взгляд, принялся возиться с застежками туфель.

Мужчины никогда Лару не разували. Если бы она только представляла, насколько головокружительно-возбуждающим может быть такое действо... особенно в сочетании с избавлением от высоких каблуков. Блаженство оказалось ближе ожидаемого. Когда ее уставшие ступни еще и наградили легким массажем, Лара едва сдержала стон, не желая показаться неискушенной девицей.

Дима поднялся, ненадолго прижался к ее губам, а после резко развернул лицом к стене. Молния платья расходилась под его руками, по спине холодом прошелся воздух. Лара осталась в комплекте черного кружевного белья и колготках. Пару секунд спустя сохранять рассудок стало еще сложнее. Ее тело накрыло горячей волной тепла мужского тела, ее руки прижали ладонями в упор к стене мужские руки, а затем отпустили под повелительный шепот приказа: — Замри.

Лара не успела подумать. Возмутиться. Шевельнуться. Дима уже шел поцелуями вдоль ее позвоночника, чередуя простые касания губ с лижущими движениями языка, за которыми следовало легкое дуновение дыхания по мокрой коже. Остановившись на мгновение, он оттянул пояс бюстгалтера и, не медля, резко отпустил.

Лара выгнулась от неожиданной легкой боли из-за шлепнувшей по коже резинки. Не давая ей прийти в себя, мучавшие ее губы вернулись, руки, расстегнув бюстгалтер, лаская, захватили ее наконец-то обнаженную грудь: то сжимая, то выкручивая соски, то оглаживая подушечкой пальца, то чуть задевая вершину кончиком ногтя.

Стоять было невыносимо, ноги слабели, руки сводило судорогой. Никто ничего не говорил, лишь участвовавшие обрывистые вздохи и выдохи в унисон шумному дыханию и влажным звукам лились в тишине темной квартиры.

Добравшись губами до пояса колгот, Дима мягко, не прекращая поцелуев, толкнул Лару к стене. Она уперлась лицом в ладони, мечтая о передышке. У нее горел каждый нерв, пульсировало внутри до боли, а мышцы живота сжимались под скользнувшими вниз мужскими руками.

Дима, с явной намеренностью замедляя движения, слегка царапал остротой ногтей обнажающуюся кожу ее бедер. Лара застонала, пытаясь удержаться в прежней позе, но, дернувшись вперед, задела напряженными сосками шероховатую стену, и стало только хуже.

— Не могу... больше... — Слова вырвались сами.

Дима зашипел и, ускорившись, за пару секунд снял с нее чертовы колготки. Поднялся, развернул к себе и поцеловал. Еще головокружительнее, ярче, глубже. Крепко притягивая к себе, ладонями сжимая ее ягодицы.

Лара объятьями цеплялась за его шею в надежде устоять на ногах. Пальцы его правой руки переместились к Ларе на живот, с легким давлением спустились ниже, наконец, оказавшись у нее между ног. Лара развела бедра и захлебнулась в поцелуе, когда Дима принялся указательным пальцем оглаживать клитор и иногда, соскальзывая, задевал вход.

Тело вспыхивало искрами, разгораясь, и Лара задыхалась, выгибаясь, теряясь с каждым прикосновением, с каждым толчком его пальцев внутри нее.

Кажется, она впивалась ногтями ему в плечи, тянула его за волосы к себе, кусала в шею, царапала его грудь ногтями... но за миг до того, как Лара сошла бы с ума, Дима остановился.

— Ч-что? — она с трудом могла говорить, до того была взвинчена и потеряна. Дима пребывал не в лучшем состоянии: взъерошенный, с хриплым частым дыханием и бешеными глазами.

— В комнату. Сейчас. — Он потянул ее за собой, объятия они до конца не разомкнули, Лара не столько шла, сколько висела у него на руках.

В ее затуманенных глазах представшая сейчас новая часть квартиры отразилась лишь неопределяемыми очертаниями предметов и стен. Лара не поняла, как и когда оказалась на диване, и какой это был диван, с радостью для своей разумной части увидела у Димы в руках презерватив, а после... после она — они — и в самом деле сошли с ума.

Лара не знала, не думала, что бывает настолько остро. Безумно. Невероятно. Она захлебывалась стонами, теряла голову от прикосновений пальцев и губ, от того, как Дима входит в нее — медленно, осторожно... глубоко. От того, как они совпадают, как горит ее тело, соприкоснувшееся с его. От того, как потрясающе чувствовать себя такой наполненной, растянутой, чувствительной к любому раздражителю — будь то его губы, зубы, язык или руки, или грубая обивка дивана под ее спиной.

Сквозь гул в голове она слышала, как хрипло дышит Дима, выдыхая горячий сухой воздух ей в шею, как чертыхается, со свистом втягивая воздух, — и ее возбуждение зашкаливало, и ей хотелось, чтобы ему было так же невозможно потрясающе, как и ей. Она касалась его везде, где могла, выгибала спину, задевая своей грудью его, скрещивала ноги и притягивала его ближе, упиваясь вырывающимися у него стонами.

Толчки становились частыми и рваными, пальцами одной руки Дима снова ласкал круговыми движениями ее клитор, безотрывно смотря Ларе в глаза, пока она не заметалась под ним лихорадочно, не зная, за что удержаться, теряя себя, беззвучно раскрывая пересохшие губы, чувствуя, как накрывает волна за волной и как он кончает следом за ней со стоном на грани рыка.

Глава 5

— Ох, это было... — Лара все еще пыталась отдышаться и осознать произошедшее, — очень...

— Согласен.

Вдвоем они тихо рассмеялись, очевидно, удивляясь самим себе и замолчали, пока не готовые к продолжению разговора. Сердце у Лары стучало в каком-то головокружительном темпе. Кожа до сих пор горела и была до боли чувствительной. Любое движение казалось невозможным, а тело — облачно-неподъемным. Глубоко дыша в надежде прийти в себя, Лара безуспешно старалась зацепиться хоть за одну мысль в совершенно пустой голове.

Нега была всеохватывающей. Беспокойство, которое лишь на секунду заскреблось внутри, скрылось под разлившейся придавливающими к дивану волнами расслабленностью всего тела. Веки, потяжелев, опускались сами собой, сознание отключалось. Лара едва не провалилась в сон, но тревога и настороженность, обитавшие на краю разума, коротким, внезапным уколом привели ее в чувство. С испугом она мгновенно открыла глаза.

Размеренное дыхание Дмитрия раздавалось совсем рядом. Гадая, уснул ли он или нет, Лара медленно села на диване, озираясь вокруг в поиске платья. В теплом свете уличных фонарей, падавшем из окон на пол комнаты, темными пятнами выделялся хаос из скомканной, разбросанной всюду одежды.

Кинув быстрый взгляд в сторону затихшего Дмитрия и удостоверившись, что он по меньшей мере дремлет, Лара осторожно поднялась и, надеясь, что в полумраке не заденет какой-нибудь малоприметный предмет, стала перебирать вещи. Она не сразу поняла, что и платье, и белье, и колготки — все было снято с нее еще в прихожей.

Там она, наконец, оделась. С трудом рассмотрев себя в полутемном зеркале, поправила, как смогла, волосы и макияж, опасаясь бродить по квартире, чтобы найти ванную. Обувшись, вызвала такси и как раз потянулась за лежавшим на полу пальто, когда на него неожиданной тенью упал вытянутый силуэт.

В начале коридора, завернутый в одеяло, растрепанный и почти комичный (и, может — только может быть! — немного милый), высился Дмитрий и смотрел на Лару с вопрошающим удивлением.

— Ты что? — голос у него был хриплый до прошедшихся по телу Лары мурашек.

— Я собираюсь домой. Извини, не хотела тебя разбудить.

Она, подняв-таки пальто, ответила спокойно и непринужденно, несмотря на странную неловкость. Странную, потому что неловко было именно уходить. Как будто нащупывалось в этом что-то неправильное, неподходящее, хотя Лара ясно понимала, что исчезновение по-английски для их случая — наиболее приемлемо, а для нее самой еще и наиболее комфортно.

— Ты можешь остаться. Уедешь утром, — сказал он серьезно и добавил уже со скрытой улыбкой: — Я, помнится, обещал тебе кофе.

Лара покачала головой, застегивая пальто.

— Нет-нет, я поеду. Мне так удобнее.

Что ей было делать в чужом доме с почти незнакомым мужчиной? Она уже получила все, что хотела. Может быть, даже больше, чем могла себе представить.

При воспоминании о случившемся меньше получаса назад она чувствовала непривычную, будоражащую изнутри истому. Начинала теплеть кожа, сохло во рту и очень хотелось вновь провалиться в тот околдовывающий омут. Например, прямо сейчас.

Лара испуганно посмотрела вперед, сталкиваясь взглядом с Дмитрием, что неподвижно стоял в паре метров от нее.

— Ты уверена? — теперь он говорил словно обеспокоенно. — Я не против, чтобы ты осталась. Уже поздно. — Лара вновь покачала головой, заодно желая вытрясти из нее странные порывы. — Ладно. Давай я хотя бы провожу.

Лара возразила тут же.

— Нет, не беспокойся. Я вызвала такси. — Она взглянула на ослепляюще вспыхнувший экран мобильного. — Машина уже на месте. Я пойду. Пока. — Прежде чем он успел бы что-то ей ответить или приблизиться, Лара открыла дверь и вышла в подъезд.

В лифте она перевела дыхание и бегло изучила себя в зеркале уже при ярком свете, поправила макияж. Повезло, что помада, матовая да к тому же водостойкая, смазалась менее заметно, чем Лара предполагала; прежде ей не доводилось проверять косметику в подобных ситуациях. Платье, конечно, было измято, но длинное пальто очень удачно скрыло все изъяны одежды.

Убедившись, что внешний вид ее не выдаст, Лара уверенно вышла из лифта. Непринужденно попрощалась с охранником (тот опять проводил ее удивленным взглядом) и с облегчением покинула подъезд.

Холод улицы показался ей отрезвляющим. Пару раз она глубоко вдохнула, наслаждаясь ночными свежестью и тишиной (условными, конечно, в Москве никогда не бывало ни свежо, ни тихо) и направилась к стоявшему в десяти шагах от нее такси.

Она чувствовала себя до странного умиротворенной. Воздушной и обновленной, как падающий в эту минуты огромными хлопьями декабрьский снег. Ее давно, а может быть, никогда, не посещало подобное спокойствие. Довольно улыбнувшись, Лара кивнула водителю и села в автомобиль.

Дома, она, уже выйдя из душа и проделывая обычные косметические процедуры, снова всмотрелась в свое отражение. Она никак не могла понять, что же было не так — и было ли в самом деле, или ей в голову лезли всякие глупости из читанных в школе романов. Ради бога, она даже не девственница, чтобы находить в себе какие-то там изменения! Впрочем, и в *тот самый* день никаких новшеств она в себе не заметила. Раздраженно фыркнув, Лара принялась наносить на веки крем, но вдруг замерла.

Глаза. У нее были совсем другие глаза. Яркие, сияющие, каких она у себя прежде не видела, глаза. Сощурившись, она немного изумленно и мягко улыбнулась своему отражению, прежде чем погасить свет.

Укладывалась в постель Лара полностью расслабленная, словно воздушная. Ласковым теплом ее окутывал сон вместе с легким томлением — и нежные, жадные губы фантомами путешествовали по ее коже.

Глава 6

Дима с кружкой кофе в руках стоял посреди соединявшего кухню и гостиную широкого проема и каким-то несвойственно ему заторможенным умом осмысливал прошедшую ночь. Чувства были... неопределенные. Смешанные.

Непонятное раздражение, как будто что-то с самого утра не так, не давало сосредоточиться, и мысли рассыпались, не успев собраться во что-то цельное и логичное. Тянули на себя одеяло воспоминания о новых, хм, впечатлениях? Опыте?

Секс у Димы за эти три года был только с Викой — регулярный, классный секс между людьми, которые отлично знают предпочтения друг друга, все точки и зоны и т.д. и т.п. Если скатываться в банальности — секс в долгих отношениях напоминал выученную наизусть на музыкальном инструменте мелодию, когда ни глаз, ни нот не нужно, чтобы сыграть именно так, как требуется. Руки все делают сами, и даже без участия мозга.

Диму такое «взаимознание» друг друга не только устраивало, но и приятно впечатляло. Удивляло даже, что благодаря проведенному вместе времени можно настолько узнать человека. Так его понимать. Чувствовать. И несмотря на прожитые вдвоем годы продолжать открывать прежде неясное, глубоко запрятанное, скрытое от глаз посторонних.

Вчерашняя ночь стала проводником во что-то иное. Дима никогда не практиковал случайный секс. Чтобы в вечер знакомства взять девушку за руку и привести к себе — ему и в голову не приходило. Были отношения, задержавшиеся на одном сексе, но и в них сначала присутствовали более широкий интерес, влюбленность, пусть и недолгая. Чего не было никогда — это вчерашнего дурмана.

Опрокидывающего вверх тормашками, затягивающего в себя, подчиняющего все действия одной цели. Заколдовывающего до потери ясного ума.

И секс с Ларой случился... на прежде незнакомом Диме уровне восприятия. Движения, прикосновения, поза — в них как раз ничего необычного не нашлось бы. Что, у стены Дима не трахался? Или уж тем более на диване.

Загвоздка была в том, что все заурядное, привычное вдруг обернулось всеобъемлюще иным. Запредельным. Отбрасывающим в нокаут. Остро-чувственным. Остающимся на пике без передышек.

Вот такого секса у Димы раньше не было точно.

Неужто он в самом деле что-то упустил, отказываясь от случайных ночных randevu? Или дело было в обстоятельствах? В атмосфере? В его вчерашнем настроении? Он ведь и правда вел себя развязнее, увереннее обычного. С легким флером доминирования: пытался Лару впечатлить, которая вся была — вызов. Его выдержке, умелости, изощренности. С ней не хотелось показаться милым и сомневающимся, ищущим указаний. С ней нельзя таким быть. Иначе ей, Дима это отчетливо понял, станет скучно.

Поразительная женщина. И ни черта не понятная. Он не ожидал совсем, что она уже через пять минут после оргазма будет стоять на пороге полностью одетая и с такси под окнами. Достойный восхищения, быстрый и скоординированный побег налицо.

Выйдя в коридор, Дима с первого взгляда понял, что будить его Лара не собиралась. Замерла у двери, чуть ли не подрагивая от нетерпения вырваться наружу — неясно, конечно, чего ей не спалось. Ночь на дворе. За окном дубак. В такси ехать не то чтобы безопасно — уж она-то должна была понимать.

Дима не собирался ее гнать. Не подумал, что она сама так заторопится домой. Он ей вообще-то кофе обещал. И честно собирался утром его сварить, а заодно убедиться, что никто ни о чем не пожалел и расстанутся они полюбовно и без взаимных претензий друг к другу. Точнее, это он сейчас облек в словесную форму подобные намерения.

Вчера же он так поплыл, что мог думать скорее отдаленными, окрашенными мыслью образами, не более того. Потому и Лару отпустил, растерявшись. У него тогда еще не вся кровь к мозгу вернулась, в конце концов. Надо было, конечно, хотя бы номер телефона взять — убедиться, что доехала она нормально, раз сопровождение в его лице отвергли, но, пока он формулировал вопрос, Лара успела очутиться по ту сторону двери. Дима сразу подумал, что никакой номер она ему бы не дала. Мысль была не самой приятной.

Ночью он, на счастье, быстро вырубился. А теперь, прихлебывая кофе, с беспокойством гадал, отчего вызывающая одни только вопросы Лара так быстро сбежала. Правда ли ей настолько неудобно в чужом доме? Или это отработанная схема, чтобы исключить неловкость утреннего общения? Или ей секс не показался достаточно ошеломительным, чтобы задержаться?

Дима уязвленно скривился. Видел же он ее лицо. Чувствовал ее всю под собой. Слышал. Ей не просто понравилось — ей точно было очень-очень хорошо. Так хорошо, что у него крыша совсем слетала.

Вопросов у Димы осталось много. На ответы он не рассчитывал, пусть и чувствовал себя немного не в своей тарелке. Он любил ясность. Любил договариваться на берегу, четко выражать свою позицию. Недосказанности ему не нравились. Даже в мелочах.

Побег — был недосказанностью, но что поделать. Вряд ли в ближайшее время они с Ларой пересекутся вновь. Сколько в одном здании работали, а вчера впервые столкнулись, да и то не там. Можно совершенно не опасаться неловких встреч и... того, что еще бывает, когда люди заранее не обсудили, как себя вести. Парни разные истории рассказывали.

Дима допил кофе одним глотком. В голове фоном крутились картинки прошедшей ночи. Потрясный был секс. Жалко даже, что лишь один раз, но как есть.

Глава 7

В по-новогоднему красивом и уютном кафе в центре Москвы звучащие из развешанных по всему залу колонок праздничные мелодии терялись в гуле веселых и громких голосов гостей. То и дело звенели бокалы, ударялись о блюдца чашки, шипела, подобно паровозу, кофемашина на барной стойке. Пахло, конечно, благотворно влияющей на рост выручки и настроение гостей корицей. В центре зала в огромной чаше варился глинтвейн, и посетительницы (да и не только) заглядывались на красавчика-бармена с половником в накаченных руках.

Первый раз за неделю Лара чувствовала, что пресловутый дух праздника ненадолго принял ее в свои теплые объятия. Беспросветная, тяжелая тоска переменялась, затихнув легкой щемящей болью в груди, — и стало легче жить. С каждым глотком терпко-пряного глинтвейна чуточку теплело внутри. Напротив улыбалась вернувшаяся из Сочи Лена, только что распаковавшая свой подарок — коллекционное издание «Властелина колец» на языке оригинала и красивейший, нежно-голубой шелковый шарф, расписанный вручную.

— Соловьи! — Она засияла, разглядев, какие именно птицы составляли узор. — Обожаю соловьев!

Лара засмеялась.

— Не поверишь, но ты уже говорила.

— И «Властелина колец» обожаю! Я ведь именно это издание и хотела! Спасибо, милая!

— Про «Властелина колец» я тоже где-то слышала, — снова подразнила ее Лара.

— Да-да, продолжай говорить что угодно, я все равно буду радоваться своим чудесным подаркам!

— А я — своим. — Лара с удовольствием покрутила запястьем левой руки, где красовалось сразу две пары часов. Одни, купленные еще во времена учебы в магистратуре, были с истершимся изнутри кожаным ремешком — именно в них она выиграла свой первый иск. Вторые, совсем новые, полученные только сегодня, холодили кожу металлической цепью браслета.

На шею поверх черной водолазки был небрежно накинут платок — тоже подарок. Традиция, сопровождавшая их с Леной дружбу с тех пор, как в один новый год они, не сговариваясь, презентовали друг другу совершенно идентичные палантины. Теперь же из зимы в зиму они изо всех сил изворачивались, чтобы найти что-нибудь действительно прекрасное и необычное.

Ларин, уже восьмой по счету платок, глубокого винного цвета, в качестве отличительной детали получил вышитые по краям золотой нитью весы Фемиды.

— Я все еще не представляю, где ты такой нашла, — с искренним восхищением произнесла Лара.

— А вот, людей знать нужно!

— Спасибо тебе!

Лена отмахнулась от повторных благодарностей.

— Лучше расскажи, как без нас с Денисом прошел корпоратив?

Не то чтобы Лара не ждала прозвучавшего вопроса, но за последние десять дней, она так и не придумала, в какой форме поведать Лене о своих приключениях.

Внутри до сих пор что-то томно, с отяжкой ожидания удовольствия, сжималось при каждом воспоминании о той ночи, уже наутро показавшейся сном. Не верилось, что она в самом деле переспала с незнакомцем. Не верилось, что секс оказался настолько ошеломляющим.

Вопреки внутренним эмоциональным перипетиям, рассказала она обо всем четким, выверенным тоном. Как познакомилась, как решила, что не стоит упускать такой шанс, как уехала домой.

— Как уехала? — Лена едва не подскочила с места. — Ну зачем, Лар? А вдруг...

Лара сразу поняла, о чем пойдет речь.

— Мне не нужны отношения. И Дмитрию этому наверняка тоже. Просто случайная ночь. Хотя бы узнала, что это такое. Удачно сложились обстоятельства. Я была достаточно пьяна, чтобы думать меньше обычного, вот и все. Более чем уверена, что при свете дня будет уже не так интересно. А сейчас есть что вспомнить.

Лена посмеялась, но была с ее точкой зрения явно не согласна.

— Если у вас был такой потрясающий секс, разве не стоит попробовать еще раз?

— Не думаю, что во второй раз он окажется таким же невероятным. Эффект новизны будет потерян, — отвечая, Лара как будто убеждала себя. Ей ведь тоже первое время думалось, что нельзя упускать подобную возможность. Встретит ли она еще кого-то, столь же привлекательного?

Мысль о том, что ей больше никогда не провалиться в тот дурман из декабрьской ночи, была неприятно-огорчающей, и Лара перевела тему:

— Может, ты теперь расскажешь, как вы отдохнули?

Взгляд Лены потускнел. Искрящееся в чертах ее лица веселье исчезло, как будто его и не было вовсе.

— На форуме, — начала она медленно, — из-за которого мы и поехали в Сочи, она тоже присутствовала.

Лара замерла.

— Морозова?

С грустной улыбкой Лена кивнула.

— Если бы ты видела, как Денис спал с лица, когда она там появилась. На него смотреть было тяжело. Наверное, он не знал, что она будет. Обычно, знаешь, ему лучше удается скрывать собственные чувства.

Они обменялись понимающими взглядами. Ничего нового в Сочи не произошло. Денис не первый раз застывал, словно побитая собака, стоило ему заметить среди толпы свою вечную любовь.

Ни на что особенно не надеясь, Лара все равно заговорила:

— Уходи от него, Лен, уходи, пока у тебя еще есть силы уйти, я тебя прошу.

Они постоянно обсуждали ленин гипотетический развод, полностью расходясь во взглядах. Лара не понимала, как можно терпеть безразличие Дениса, и боялась, как бы Лена незаметно для себя и окружающих не угодила в депрессию, если еще не... Ведь по ней сразу и не поймешь. Лена всегда была какой-то неземной: стойкая, не наивная ни капли, но с совершенной душой. Любовь без взаимности не казалась ей горем. Много больше она мучилась, зная, что спасти любимого человека не в ее силах.

— Не могу. Я... Он и сейчас не живет — он себя работой в землю закапывает, а что будет, если я уйду? Он вспомнит про еду, про сон? Или будет на одном кофе жить?

Лара раздраженно фыркнула. Обида за Лену была сильнее любого сочувствия к Денису. Он действительно пахал как проклятый: приходил в офис раньше всех, уходил последним, часто за полночь. Брал самых безнадежных клиентов, часто помогал начинающим юристам, еще и в правозащитной организации, в той же, к которой принадлежала Лара, успевал выступать консультантом в наиболее сложных кейсах, но ничего из его благих юридических дел не искупало того, что мужем он вышел ужасным.

Со стороны, конечно, казался образцом: на всех мероприятиях с женой, учтив, безупречен в отношениях с ней — за несколько лет ни одна девица не смогла подкатить. Никто, кроме Лары, не знал, что по двадцать часов в сутки Лена своего мужа просто не видит, что он вежлив с ней до мерзлоты, что другие женщины ему неинтересны точно так же, как и собственная жена, потому что он до сих пор любит бывшую, которой не нужен.

— Лен, он же взрослый мужик, разберется как-нибудь. Зачем ты себе жизнь гроишь?

Лена покачала головой.

— У меня ведь нет никаких надежд, я все прекрасно знаю. Я его люблю, а он, — в ее глазах Лара и в самом деле не находила иллюзий, — любит другую. Мы с ним товарищи по несчастью, — она грустно улыбнулась. — Ему больно точно так же, как и мне.

В кафе они просидели еще долго. Лара старалась, насколько получалось, отвлечь подругу от печальных мыслей, что сама и спровоцировала затеянным разговором. Разошлись только после закрытия. Возвращаться в пустые квартиры им обоим очень не хотелось.

Дома Лара, сидя за кухонным столом, зажгла свечу и долго смотрела на пламя. Успокаивалась. Она и новогоднюю ночь так провела: в темноте, с бокалом шампанского и горячей свечой. Отметила двадцатый по счету невеселый новый год.

Сколько таких же еще ждало ее впереди?

Об отношениях Лены и Дениса — роман "О чём он молчит" (<https://litnet.com/ru/book/o-chem-on-molchit-b385116>)

Глава 8

Новогодние каникулы пронеслись веселым забегом из празднеств, встреч с родителями и гурьбой родственников, особенно увеличивающейся в январе — бабушки, дедушки, братья, сестры, тети и дяди — все успевали приехать из разных городов и стран, чтобы вместе провести лучшие зимние дни.

Две недели Дима крутился и вертелся, как белье в стиральной машинке: идеальные подарки всем найти, продукты закупить, прилетевшую из Краснодара тетю встретить, в лес для прогулки сходить, снег вокруг дома родителей расчистить и внутри с уборкой помочь. Шум. Суматоха. Ни минуты наедине с собой. Но все было любимо и знакомо. Тепло. Радостно. Счастливо — так, что понимаешь: каждый из двенадцати месяцев ждал, когда придет пора безумной подготовки к новому году.

Приезжать к родителям в праздники нравилось Диме особенно. Атмосфера уюта пропитывала каждый миг проведенного в отчем доме времени. Мама обнимала беспрестанно. Приготовила все его любимые блюда, не успел он зайти на порог, и теперь гонялась (или Диме так казалось) за ним с новыми порциями каждые полчаса. Отец, как в детстве, стоило пройти мимо, легко трепал по голове. Расспрашивал о работе. Хвалил. Гордился. Вдвоем родители аккуратно прояснили ситуацию с Викой. Дима объяснил. Не вышло у них любви до гроба. Не смертельно. Он переживет.

Временами его, конечно, накрывало тяжелыми размышлениями. То снова злился, то тосковал. До отъезда в пригородный дом родителей не раз порывался позвонить Вике. Отпускало быстро. Он не столько по ней скучал (головой быстро осознал, что и правда у них все разладилось, а может, и не ладилось так, как должно), сколько не мог привыкнуть к жизни в одиночестве. Включал фильм — вспоминал, как Вика любые ужастики, даже действительно страшные, превращала в комедии, забрасывая бесконечными шутками над нелепостями сюжета. Садился завтракать — чувствовал вкус ее коронных блинчиков. Ложился спать — понимал, что не хватает объятий. За три года к человеку привязываешься. И привычка такая, что не сразу удастся различить: та самая любовь вас вместе держала или сильная привязанность.

День ото дня крепла мысль, что с Викторией их связывала привычка. Им было хорошо. Комфортно. Но без огонька. Дима сейчас понимал, что не об этом мечтал. Не таким представлял идеал романтических отношений. Он всегда на родителей равнялся. Всегда хотел, чтобы случилось так же, как у них — сильно, безусловно, навсегда.

В их любви была гармония — удивительная, пробиравшая до мурашек иногда. Тайнство какое-то. Дима за жизнь свою много раз наблюдал, как отец приходил домой — выгоревший и посеревший, неспособный головы поднять после особенно тяжелых процессов, когда невыносимо уже биться с людским безразличием — непрошибаемо-жестоким, пропитанным деньгами и страхом только за свою шкуру — и едва ли не валился в объятия жены. Исцеляющие, как он до сих пор говорит.

В детстве Дима слабо понимал, в чем кроется суть исцеления. Если исцеляет мама, то почему она зеркально поступает: тоже ищет отца и врывается в него с порога, когда плохо так, что жить не хочется. Не хотелось часто: быть журналистом-расследователем — это каждый раз боль пострадавших впитывать и одновременно мириться с тем, что часть вытащенной на свет собственными руками омерзительной грязи с кожи уже не смыть.

Его родители были уникальными людьми. Потрясающе благородными и героическими. Борцами за справедливость — в своей сфере каждый сражался за высшие смыслы до самого конца. И выгорали они тоже почти до... Но всегда подставляли друг другу плечо. Всегда и ей, и ему было достаточно вернуться домой, чтобы понять: ты не один такой на планете, кому больше всех надо, кому больно за то, что людям вокруг, кажется, все равно и даже немного

смешно от твоих идеалистических чудачеств. Его родители ни разу не отказались от боли друг друга — и это было сильнее любых слов любви.

Даже повзрослев, Дима лишь учился понимать, как сильна между его родителями связь. Как для них важно быть рядом. Какой мощью обладает их любовь. И в эти праздничные дни он наблюдал особенно пристально. Впитывал. Пытался проникнуться по полной. Осознавал кое-что. Не всегда приятное.

Вечером одним неожиданно в голову пришло, что никогда он не чувствовал, что с Викой их ни что на свете не разведет. Ни секунды. А про родителей — чувствовал. Не слепо верил, как верит любой ребенок в то, что мама с папой вместе навсегда. Нет. Объективно знал. Совершенно непоколебимо. Посторонние вокруг — и те замечали. Словно считывалось неумовимо, что Анна и Александр Аверинцевы созданы друг для друга.

Дима мысль обдумал и зафиксировал. Признал, что с Викторией подобной уверенности уже не возникло бы, и принял расставание окончательно. Все равно бы разошлись. Годом раньше, годом позже. Вика — умница, быстрее, чем он, поняла. Другое, наверное, что-то свое — она всегда страстей искала, хотела жить на острие эмоций и чувств. Он же искал... совпадения. Чтобы две части в паз встали — раз и навсегда.

Поздней субботней ночью Дима вернулся в Москву. По-настоящему отдохнувший, переполненный эмоциональным теплом и энергией. Кровь бодряще кипела внутри, несмотря на закономерную из-за пары напряженных часов за рулем усталость, контрастно переплетавшуюся с предвкушением скорого возвращения в офис. Первые после новогодних праздников трудовые дни совершенно по-особенному отличались от остальных рабочих будней, и Дима их очень любил.

Люди ходили по коридорам и кабинетам заряженные, выспавшиеся, с горящими глазами и добрыми лицами. Заклятые коллеги действительно были рады друг друга видеть, искренне, а не в бешеной предновогодней спешке и муках усталости, преподносились запоздавшие подарки, ценные тем, что при поддержке еще висевших на окнах гирлянд рождественских цветов и притаившихся в каждом достойном углу елок волшебным образом продлевали праздник вопреки календарю.

По традиции Леха обязательно презентовал всем в их отделе по какой-нибудь невообразимой диковине, найденной в очередной поездке по миру, и следующие полдня они из кожи вон лезли, выдумывая то ли статуэтке, то ли оберегу практическое предназначение — повзрослому адекватное и полезное или же интересное и веселое.

Однако чаще прочего в наступившем году Дима предвкушал кое-что новенькое. Нервы щекотало, едва мысли шли в сторону прекрасной... теперь уже знакомой. В голове плыло, стоило призадуматься серьезнее, и разумная, тщательная подготовка к грядущему разговору — а также поиск ответа на вопрос, зачем Диме так хочется прогуляться в крыло уголовно-правовой практики в понедельник чуть ли не в девять утра, — заканчивались на первом же воспоминании об одной ночи в конце декабря.

Картинки, слайдами мелькающие в голове, день ото дня не тускнели, а лишь обретали дополнительные будоражающие оттенки. В них Лара вновь и вновь вздрагивала от удовольствия, когда он касался ее, ярче и невозможнее зеленели удивленно распахнутые глаза, раскрывались алые губы со смазанным контуром и почти по-настоящему на языке чувствовался вкус ее помады. Временами Диме казалось, он уже путается и не знает наверняка, что из транслируемого мозгом случилось вправду, а что придумалось, даже намечталось, после.

Не прошедшая за долгие выходные околдованность Ларой была пьянящей, приятно отвлекающей от всего, о чем Дима не желал лишний раз рассуждать. Пропорционально возрастанию интереса к магнетической девушке в умопомрачительных туфлях уменьшалась его

тоска по Вике, что радовало чрезмерно. Хандрить из-за расставания, когда оно вполне закономерно и произошло бы в любом случае, было глупо.

Продолжить же нормальную жизнь, переключиться и насладиться новыми возможностями — вот чем нужно заняться. Он же обещал себе попробовать лехин образ существования. И даже попробовал. И даже очень удачно. Так удачно, что возвращаться к переборке вариантов не хочется. Зачем, если уже найдена идеальная кандидатура?

Здесь Дима, конечно, сам себя одергивал за разгулявшиеся до предела разумного целеполагания намерения. Никаких оснований считать, что Лара две недели только о сексе с ним и грезит, не существовало. Мало ли, по какой причине она в ту ночь решила уйти не к себе, а к нему домой. Помимо многих возможных препятствий — например, вполне прозаичной незаинтересованности в продолжении, она могла состоять в отношениях. Не просто так ведь сбежала, как пойманная на горячем преступница.

Правда, по неведомым, прошедшим мимо его сознания умозаключениям, Дима отказывался думать о Ларе как об изменщице. Не вписывалось. В его о ней впечатление не вписывалось. Он для себя Лару определил как... честную.

Характеристик, ей подходящих, нашлось бы довольно: о красоте, об уме, о темпераменте, но первой, огромными четкими буквами печаталась честность. То ли потому что манера общения у Лары была такая — сразу в лоб, намеренно, а не по глупости. То ли потому, что Дима не удержался и погуглил, выяснив о Ларе, пусть и немного (даже аккаунтов в соцсетях не нашлось), но достаточно, чтобы составить представление о присущих ей ценностях. Как минимум, в профессии, а по большей части, наверняка и в жизни.

Поисковик показал ему несколько статей о довольно громких процессах, в которых она участвовала, пару заметок на сайте одного университета (так Дима узнал, какой юрфак она закончила), где освещалась ее нетривиальная деятельность на базе студенческой юридической клиники^[1] и блестящая учеба. Дима впечатлился. Даже пожалел, что она не училась у его отца, преподававшего в МГУ уголовный процесс последние лет пятнадцать и очень уважавшего увлеченный юридический молодежь.

Сомнений, что с отцом Лара спелась бы просто на раз, не осталось, когда Дима вник в суть отмеченных в новостных изданиях процессов. Перед ним была не просто успешная адвокатесса, отличившаяся в профессии выдающимися способностями, но и правозащитница. Ярая, бесстрашная, неугомонная.

С детства Дима очень хорошо знал, чего стоит заниматься правозащитной деятельностью в России. Давление со всех сторон, угрозы, закрывающиеся перед носом двери, равнодушие перед несправедливостью — отец хлебал и не давился, а Дима, насмотревшись, даже пробовать не стал. Восхищался со стороны. Сейчас восхищался еще и Ларой.

Все-таки он тем вечером не ошибся: она потрясающая женщина. Совершенная как будто. Смириться, что их знакомство не продлится в новом году, Дима ни за что на свете не смог бы. Уж точно не после того, как узнал о ней столько интересного, а хочет узнать еще больше. Да и просто ее — хочет.

[1] Юридические клиники обычно создаются на базе юридических университетов и выступают как негосударственные некоммерческие образования, оказывающие бесплатную юридическую помощь. Работают в них под руководством наставников студенты старших курсов юрфака, прошедшие серьезный отбор и подготовку. Для студентов это отличная возможность для практики и заявлении о себе как специалисте (особенно выдающиеся не раз выигрывали очень крупные и серьезные процессы).

Глава 9

Долгожданный, знаменующий начало первой трудовой недели в новом году понедельник наконец наступил. С самого утра дороги в центре Москвы предсказуемо застывали в неподвижности, как будто легкая слякоть на асфальте обернулась вязкой болотной тиной. Относительно спокойные после длительных праздников автомобилисты чуть реже привычного жали на клаксоны, а выругивались при закрытых окнах — минус десять по Цельсию все-таки, да и драть горло пока не то чтобы хочется. Вот в грядущую пятницу...

Застрыв в дорожном параличе, Дима, нервно-бодрый, как если бы выпил на завтрак не одну, а четыре чашки кофе, постукивал пальцами по рулю в такт поющему о бесконечной любви Мэгтью Беллами[1]. Риска опоздать не было: даже с пробками добираться всего сорок минут, а он в машину сел чуть ли не за полтора часа до начала рабочего дня. Дома почему-то не сиделось.

Проснулся чересчур рано, но с совершенно ясной головой, не хотелось ни минуты лишней пролежать в теплой постели, зато взяться за дело было просто невтерпех. Собрался Дима так быстро, как будто торопился в зал суда. В родной квартире занятий не нашлось, и уже в полдевятого он, стоя на подземной парковке, тянул ручку двери собственного автомобиля.

Людей внутри бизнес-центра, где их юридическая фирма арендовала под офис несколько этажей, сновало значительно меньше привычного его взгляду: обычно Дима пересекал турникеты без двадцати десять, и ехать приходилось в одном из переполненных лифтов. Сегодня же на свой пятнадцатый этаж он поднялся в компании семи человек — оказалось, довольно приятно не чувствовать себя рыбешкой в консервной банке и дышать воздухом с достаточным уровнем кислорода.

На пути к кабинету Дима без удивления повстречал пару запойных трудоголиков, по виду которых нельзя было поверить, что вся страна отдыхала целых тринадцать дней. Лехи, ожидаемо, еще не было. Наверняка явится впритык к десяти, и пересекутся они лишь на обеде или вечером.

Не дожидаясь временной отмашки, Дима принялся за работу: проверял уже сделанное, сверялся с графиком будущих дел, гадал, как пройдет день сегодняшний.

Могло быть по-разному. Планирование — это, конечно, отлично: ничто не предвещает беды, большая часть деловой Москвы только начинает выходить из коматозного сна, и авралы предполагаемые, как кары небесные, обрушатся на юристов где-то через недельку, но всегда был риск внезапных ЧП. Стоили они, конечно, клиентам таких же внезапных затрат, но напрягаться Диме именно сегодня было немного лень. Его план дня включал в себя напряг иного рода.

Минут через сорок офис забурлил жизнью уже по-настоящему. Забегали по коридорам люди — те самые, которых он в конце прошлого года обозвал манекенами для деловой одежды (а Лехе так и не рассказал!), то и дело раздавались голоса разной степени приятности, в приемной принялся время от времени звонить телефон.

Дима неохотно отлип от удобного кресла, чтобы закрыть дверь и вернуть себе немного тишины: пора бы настроиться перед первой консультацией в новом году. Клиент был давний, но трудно-прошибаемый. Никак не мог смириться, что приличные адвокаты не «решалы» из девяностых и действовать вынуждены в рамках существующего законодательства.

Приходилось не только разбираться с конкретной юридической проблемой, но еще и тратить время на убеждение Валентина Игоревича: иных путей нет, по закону либо так, либо никак, но лучше все-таки по закону, чтобы заодно постелить соломки на будущее, если вдруг случатся обстоятельства из подпункта «б» пункта второго пятого раздела указанного договора.

Под гнетом непонимания юридических канцеляризов Валентин Игоревич, как правило, сдавался, уловив главное — Дмитрий Александрович знает, что делает.

Дмитрий Александрович действительно знал, что делает, но убедить некоторых людей было нелегко. Многие хотели попроще, едва ли не на вербальном уровне что-то там обсудить, какую-нибудь одну бумажку подписать и желательно без суда, и подешевле бы.

Вроде бы по ту сторону стола сидели серьезные люди с серьезными организациями, но... сознание русского человека менялось со скрипом. Дима старался относиться с пониманием и сокрушаться поменьше, когда клиент не понимал, какие риски себе же обеспечивает, не желая тратиться на полноценную помощь юриста. Не психовал, когда насмотревшиеся американских сериалов, напротив, швырялись деньгами, требуя совершить невозможное, даже не вникая, что:

а) чудеса бывают только в сериалах;

б) в России другая правовая система и законодательная база.

Историй о невозможном хватало, но тем Диме и нравилась его практика: головоломка на головоломке. Самые незначительные детали обретали ключевое значение, составляемые договоры временами таили в себе массу нюансов, над точностью которых можно было корпеть бесконечно. Мозг кипел, в теле разгонялся кураж. Дима кайфовал — он обожал вызовы. Особенно интеллектуального толка.

Интересных сверхзадач сегодня, к сожалению, не предвиделось. До обеда Дима пережил еще одного «валентина игоревича», а после, не особенно раздумывая, прошагал к лифтам и спустился на тринадцатый этаж. В приемной уверенно выяснил, где принимает Лара Алексеевна (хвала поисковикам и сайту их собственной фирмы!) Белых, успокоил разволновавшегося секретаря, лепетавшего про полную запись и свободные даты аж в следующем месяце, заверив, что он не клиент, а коллега, и всего на пять минут, как раз в перерыв. Секретарь выдохнул.

Сам Дима выдохнул только осмелившись постучать в дверь нужного кабинета. Дождался громкого и ровного «Войдите!» и пересек порог.

При его появлении Лара продемонстрировала лишь легкое удивление: с показательной озадаченностью приподняла брови и едва заметно вопросительно склонила набок голову. Ни одного лишнего движения. Если она на самом деле и испытывала сильное волнение, обнаружить его было нельзя. Что ж, Дима тоже себя неплохо контролировал.

— Привет, — заговорил он как ни в чем не бывало.

— Привет. Ты зачем здесь? — Вот так, сразу к делу. Ни улыбки, ни радости в тоне. Враждебности не было тоже, скорее вежливое любопытство.

— Решил узнать, как дела. — Дима пожал плечами. — Ты тогда сбежала уж слишком быстро.

— Я не сбежала, — отрезала она уже без изначально вежливой интонации. Дима прищурился, не признавая ее слова за убедительный ответ. — Мы закончили, и я уехала домой.

— А кто сказал, что тогда мы закончили? — парировал он и довольно ухмыльнулся.

На самом деле разговор интригующе свернул не туда. По плану было незамысловатое общение и нормальное знакомство: очень хотелось изучить Лару получше. На протяжении двух недель Диму мучили любопытство и чувство неясной природы, какое-то беспокойство, как если бы он сделал не все, что действительно хотел. Например, расстался раньше желаемого с одной прекрасной дамой в одну прекрасную ночь.

— Традиционно секс завершается оргазмом. — Лара с вызовом вздернула бровь.

Против воли Дима заулыбался. Если они и дальше станут общаться в таком духе, то будет весело. И непредсказуемо: ответы на все реплики Лары вырывались у него раньше, чем успевали пройти проверку у разума.

— Вот уж нет, — оттолкнувшись от стены, Дима направился вперед, выдерживая паузу. Продолжил он, только когда оперевшись бедрами в край столешницы, навис прямо над Ларой.

— С оргазма можно начать — и так будет много, — он выделил последнее слово, — интереснее.

Встретившись с ее уже знакомо распахнувшимся взглядом своим, Дима замер. Очень вяло и медленно настигли мысли, что он вообще-то так себя обычно не ведет: не напирает, не нарушает личные границы и не переходит сразу от слова «привет» к обсуждению оргазмов и прелюдий. С Ларой обе встречи подряд шли по своей уникальной колее. Бесконтрольно отрубались мозги, и с рассеянным туманом в башке общение Дима выстраивал на автопилоте интереса и желания продолжить разговор несмотря ни на что.

Лара не торопилась отвечать. Зрачки были расширенные, губы, вновь ярко-алые, четко выделяющиеся на белоснежной коже, приоткрыты — завораживающая картинка. Между их лицами, находившимися на расстоянии всего нескольких сантиметров, становилось сложно сохранять дистанцию — их словно притягивало друг к другу. Пространство, перестав быть бесконечным, обретя вдруг границы, густело и тяжелело. Дима за пару глубоких вдохов полностью погряз в аромате знакомых духов, и его повело. Последних джентельменских сил хватило только на то, чтобы просипеть:

— Я тебя сейчас поцелую. — На грани слышимости, воздухом по ее губам.

В глубине зеленых глаз что-то вспыхнуло, пробирая Диму до мурашек, до воспоминания о предвкушаемом эти две недели беспамятстве, до гула в ушах, сквозь который прошло одно слово:

— Целуй, — тем самым хриплым шепотом.

Дальше Дима не ждал ни секунды. Губы соприкоснулись резко, выбивая разряды под кожей. Целоваться, навалившись на стол, было крайне неудобно, Дима мало понимал, как он еще не потерял баланс и не рухнул на Лару сверху.

Вроде бы опирался руками на стол, вроде бы сминал какие-то бумаги, возможно, очень важные, возможно — оригиналы официальных документов, которые нельзя заново напечатать принтером на свежих и ровных листах, но остановиться и обойти стол, прерваться хотя бы на пару движений секундной стрелки — нет, только не сейчас.

Не иметь возможности всем телом вжать Лару в себя было мучительно, и Дима просто потянул ее наверх, поднимая из кресла, желая затащить на стол, прямо на бедные распечатки.

Губами он скользил вниз по нежной коже шеи, языком оставлял влажные следы, упиваясь ее судорожными то ли всхлипами, то ли попытками дышать. Ее руки давно цеплялись за его волосы, перебирая, потягивая, царапая у корней кончиками острых ногтей. Было головокружительно хорошо, но мало. Дима потянулся к пуговицам на шелковой блузке, но Лара, дернувшись, удержала его ладони в своих.

— С-с-стой, — отстранившись, она слабо шептала ему куда-то в ухо, задевая мочку губами, то есть ничуть не облегчая Диме участь.

— Что? — Страдание в его голосе показалось до того отчаянным, что он сам поморщился.

— Нам... нужен договор.

[1] Беллами, Мэттью — британский музыкант, фронтмен группы Muse.

Глава 10

— М-м, что? Какой... договор? — Чуть вывернувшись из кокона их взаимно-страстных объятий, Дима уставился на Лару с непониманием. Волосы были взъерошены просто донельзя... соблазнительно, у нее даже дыхание перехватило. Снова.

Весь его вид заявлял, чем они только что з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.